

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

ОСКАРЪ АЛЬВІЙСКІЙ.

(Изъ Байрона.)

Полная луна сіяетъ на шемноголубомъ небѣ, изливая слабый свѣтъ свой на берега Лоры. Древнія башни Альвы возвышаютъ до небесъ мрачные верхи свои. Звукъ оружія не опзывается уже въ замкѣ уединенномъ.

Сколько разъ блѣдныя лучи Циншіи отражались на серебряныхъ шлемахъ воиновъ Альвы, когда они, посреди глубокой ночи, шествовали по крыше блестящею бронею.

Сколько разъ освѣщала кровавую сѣчу, когда храбрые устремлялись за вождемъ своимъ ко славы и смерти.

Ахъ! нѣкогда луна была для нихъ безмолвною свидѣтельницею свиданій любви; а шеперь обра-

зують погребальный факель, висящій печально подь безпредѣльнымъ сводомъ неба.

Исчезло знаменитое племя владѣтелей Альвы; вдали видны башни ихъ крѣпости, покрытыя вѣковымъ мхомъ; но герои не преслѣдуютъ уже лани въ глуши лѣсовъ, и не поражаютъ непріателя на полѣ бранномъ.

„Древній замокъ Альвы! кто были послѣдніе владыки твои? За чѣмъ мохъ покрываетъ твои стѣны? Шаги воиновъ не пробуждаютъ эха его сводовъ; порывистый вѣспрь свищитъ въ его развалинахъ, и потрясаетъ полуразрушенныя его стѣны.“

Буря колышетъ щипъ храбранаго Оскара, но не видно здѣсь его шлема и побѣдоносныя знамена героя не развѣваются.

Ангусъ благословилъ пошъ щасливый день, въ который родился Оскаръ. Онъ былъ его первородный сынъ. Вассалы сѣли вокругъ огня и возрадовались вмѣстѣ съ своимъ владыкою.

Звѣроловцы пронзили стрѣлами лань лѣсовъ, загремѣли трубы военныя, и возвеселили душу храбрыхъ жителяей горъ.

„Наступитъ нѣкогда пошъ день,“ воскликнули они въ восторгѣ „въ которой сей трубный гласъ предыдетъ сыну героя, когда онъ поведетъ къ побѣдѣ своихъ воиновъ.“

Протекъ еще годъ, и Ангусъ спалъ отцемъ другаго сына; день его рожденія былъ еще днемъ другаго празднества великаго.

Ангусъ научаетъ сыновей своихъ натягать лукъ и преслѣдовать быспрую серну на мрачныхъ холмахъ Альвы. Оскаръ и Аланъ усремяющя быспро, и легкихъ псовъ своихъ далеко оставляютъ за собою. Но едва вышли они изъ дѣтскаго возраста, какъ уже вступаютъ въ ра-

ды воиновъ , уже умѣють владѣшь копіемъ и пронзашъ непріашеля убійшвенною спрѣлою.

Въпрѣ развѣваль черные власы Оскара ; онъ имѣлъ 'духъ героя ; взоръ его выражалъ искренность и добродушіе. Аланъ еще рано научился пришворспвовашъ и распочашъ ласковыя слова.

Аланъ имѣлъ нравъ дикой и запальчивой. Движимый мщеніемъ, онъ успремлялся на враговъ съ быспрошою молніи.

Оба были храбры и копіе Саксонцевъ часто сокрушалось на спальныхъ щипахъ ихъ.

Изъ опдаленныхъ спранъ Супанонскихъ прибыла младая дѣва, наслѣдница земель Кенепскихъ.

Душа Оскара , незнакомая со спрахомъ , познала сладкія движенія любви взаимной.

Ангусъ радуется въ душѣ своей. Бракъ его сына съ дочерью Гленальвона давно занималъ славолюбивую душу его.

Я слышу звукъ роговъ , я слышу брачную пѣснь. Воздухъ наполняется радостными кликами.

Красныя перья развѣваюшя на шлемахъ воиновъ , одѣянныхъ въ разноцвѣпныя маншіи. Они собрались въ зѣмокъ Альвы , и ожидають повелѣній своего владыки.

Не на брань они созваны ; гласъ прубный издаешъ звуки пиршешва. Будущъ праздновашъ бракъ Оскара , и всѣ пѣсни внушають радость.

Но гдѣ Оскаръ ! уже поздно. Всѣ гости , всѣ дамы въ зѣмкѣ ; только нѣтъ Оскара и брата его.

Является Аланъ и садится близъ возлюбленной своего брата. „Почему нѣтъ Оскара ?“ вопросилъ Ангусъ : „гдѣ онъ ?“ — Онъ не былъ со мной на ловль — опвѣчаешъ братъ Оскара.

— Можешъ спашься, позабывъ день брака, онъ заблудился , преслѣдуя младую серну ; можешъ

спашься, волны Океана удерживаютъ челнъ его? Но Оскаръ рѣдко бываетъ задерживаемъ волнами. —

„Нѣтъ! нѣтъ!“ прервалъ встревоженный отецъ: „ни ловля, ни волны не могутъ удержатъ моего сына: со всѣмъ пламенемъ любви онъ успремился бы къ своей Морѣ; никакое препятствіе не могло бы удержатъ его.“

„Воины, друзья мои! ищите вездѣ моего сына. Аланъ! проникни съ ними во всѣ владѣнія Альвы.“

Все въ смященіи; дикіе голоса зовутъ Оскара въ долинахъ; бурные вѣтры повсюду зовутъ его имя до самой глубокой ночи.

Имя Оскара прерываетъ безмолвіе мрака; но все тщетно: одно только эхо отдается въ окрестностяхъ.

Утренняя заря разсыяла пары нахолмные, но Оскаръ еще не возвратился.

Три дня и три ночи владыка Альвы ищетъ въ горахъ своего сына; нѣтъ уже никакой надежды; онъ предается горести, и перзаеетъ бѣлые власы свои.

„Оскаръ! о сынъ мой! Всемогущій Боже! возврати мнѣ подпору моей старости, или предай убійцу его моему мщенію.“

„Можетъ быть, бѣлая коси Оскара оспаются безъ погребенія на скалѣ пустынной. Великій Боже! благоволи, чтобы несчастный отецъ соединилъ хладный прахъ его съ прахомъ, ему любезнымъ.“

„Но, можетъ быть, онъ живъ еще. Проси, Всемогущій Боже, смященію души моей! Можешь быть, я напрасно ропщу на судьбу мою; проси нечестивой мольбѣ моей!

„Но если для меня онъ уже не существуетъ; по я безславно сойду въ могилу; надежда послѣднихъ дней Ангуса не сбылась. Увы! чѣмъ я заслужилъ сіе нещастіе?“

Такъ оплакивалъ своего сына отецъ злополучный.

Но время облегчаетъ сильнѣйшія горести, время возвращаетъ спокойствіе и опираетъ слезы.

Тайная надежда иногда говорила ему, что Оскаръ, можетъ быть, возвратится; иногда онъ внималъ ей, иногда почиталъ ее обманчивымъ сновидѣніемъ.

Цѣлый годъ отецъ оплакивалъ своего сына; цѣлый годъ былъ онъ неутѣшенъ.

Дни текли за днями; солнце совершило годичный кругъ свой; Оскаръ не возвратился, не обрадовалъ послѣдлаго отца своего. Но горестъ Ангуса уменьшилась — онъ спалъ спокойно.

У него оспавался еще Аланъ. Спавъ единственнымъ утѣщеніемъ нещастнаго спарца, Аланъ скоро пронулъ сердце Мору. Богиня красоты излила всѣ дары свои на брата Оскарова.

„Оскара уже нѣтъ,“ говорила она „никто не сравняется въ красотѣ съ Аланомъ. Ежели бы Оскаръ былъ живъ; то, можетъ быть, другая дѣва прельстила бы невѣрное сердце.“

Пусть пропечетъ еще годъ — сказалъ имъ Ангусъ — и ежели мои надежды останутся щещными: то я заглушу родительскія горести, и назначу самъ день вашего брака. —

Наспупаетъ желанное время, наспупаетъ шопъ день, копорый долженъ соединить Алана и Мору. Протекъ годъ ихъ заботъ и улыбка на прекрасныхъ устахъ ихъ оживилась.

Я слышу звукъ роговъ , я слышу брачную пѣснь. Воздухъ наполняется радостными кликами.

Но кто сей незнакомецъ ? Суровой взглядъ его видѣнь посреди всеобщей радости. Его присутствіе , кажешся , помрачаетъ синевагое пламя огней.

Онъ укрывается широкимъ плащемъ своимъ ; на шлемъ его развѣваюшся кровавыя перья. Голосъ его подобенъ шумящей бурѣ ; ногами онъ едва касается земли.

Уже полночь. Круговая чаша переходить изъ рукъ въ руки : пьюшь здоровье юнаго супруга. Радостные клики гостей раздаются подъ сводами замка.

Внезапно вспахаетъ незнакомецъ : распространяется повсюду тишина. На чель Ангуса изображается изумленіе ; сердце нѣжной Моря зашрепешало.

„Старець !“ восклицаетъ онъ : „всѣ пили за здравіе младаго супруга , и ты видѣль , что я самъ исполниль сей долгъ , и пилъ за благоденствіе своего сына ; моя очередь : я шребую того же.

„Всѣ предаются здѣсь шумнымъ воспоргамъ , всѣ празднуютъ щасливую судьбу Алана ; но скажи , не уже ли у тебя нѣтъ другаго сына?.. За чѣмъ забывать храбраго Оскара?“

Увы ! — отвѣчаетъ отецъ злополучный , заливаясь слезами — почшо воспоминашь прошедшія горести ? Оскаръ исчезъ изъ моего замка ; съ Оскаромъ навсегда исчезли мои радости.

— Три раза солнце совершило свое годичное печеніе съ шѣхъ поръ , какъ сынъ мой уже не существуетъ. Аланъ единственная моя надежда съ того времени , какъ нѣтъ съ нами храбраго Оскара. —

„Хорошо!“ прервалъ незнакомецъ, и спрашивно заблестали его взоры: „я горю желаніемъ знать о судьбѣ Оскара. Сей герой, можешь быть, еще живъ.“

„Что знаешь? можешь быть, Оскаръ возвратился бы еще, ежелибъ тѣ, которые были ему столько любезны, произнесли его имя.“

„Наполнимъ чашу; пусть обойдется она все пиршество. За здравіе Оскара отсутствующаго! я его призываю.“

Отъ всего сердца! — сказалъ спарець — я пью за здравіе моего сына, мертваго или живаго; я никогда не буду имѣть такого сына. —

„Хорошо, спарець! Но за чѣмъ Аланъ держитъ еще чашу въ дрожащей рукѣ своей? Братъ Оскара! пей за память умершаго и держи чашу твердою рукою.“

Вмѣсто румянца, которой оживлялъ ланипы Алана, показалась ужасная блѣдность, и смертный хладъ разлился по челу его.

Три раза онъ подноситъ чашу къ устамъ своимъ и при разѣ глаза его встрѣчающіяся съ глазами незнакомца; онъ чипаетъ въ нихъ гнѣвъ и угрозы.

„Такъ ли Аланъ чипитъ память нѣжнаго брата?“ сказалъ незнакомецъ: „ежели это есть дѣйствіе дружбы, то какъ изъяснишь этотъ страхъ, которой видѣнъ во взорахъ его?“

Аланъ поднимаетъ чашу. — Да будетъ Оскаръ между нами; да раздѣлишь онъ съ нами наше щастіе! — сказалъ онъ, и какое-то шайное чувство окыало его душу; чаша вырывается изъ рукъ его и упадаетъ.

„Что онъ! я слышу гласъ моего убійцы!“ воскликнуло привидѣніе, появившееся мгновенно.

Гласъ моего убійцы — повпоряешь эхо — и громъ раздаешся надъ замкомъ.

Свъшь факеловъ блѣднѣеть, воины прелещущь, незнакомецъ исчезъ; видно шолько привидѣніе. Зеленая маншія покрываешъ его; видъ его спрашенъ.

Грозный мечъ виситъ на бедръ привидѣнія; черныя перья развѣвающся на его шлемъ; на опкрышой груди его видна рана, еще дымящаяся кровію; глаза его хладны и неподвижны.

Спрашный видъ его вселяешъ ужась и недоумѣніе. Три раза улыбаешся онъ и преклоняешъ коленно предъ Ангусомъ; шри раза нахмуриваешъ брови и взираешъ дико на Алана, распроспершаго на земль.

Загремѣли желѣзные запоры, громъ раздаешся подъ сводомъ небеснымъ и привидѣніе посреди облаковъ исчезаешъ на крыльяхъ бури.

Празднество прервано. Всѣ убѣгающъ въ страхъ недоумѣнія. Но кто сіи два человекъ, распроспершыя на земль? Сердце Ангуса не бѣешся, но его возвращающъ къ жизни.

Но щещно хопяшъ опкрышъ глаза Алану; его дни изочпены — онъ уже не возспанешъ.

Трупъ Оскаровъ былъ брошенъ въ мрачной долинь Гланшенарской; въпры воздымали его черныя волосы, спрѣла Алана была вонзена въ груди его.

Откуда пришелъ сей спрашный незнакомецъ? Кто былъ онъ? никто изъ омершнихъ не можешъ сказашъ сего; но вассалы узнали привидѣніе: эшо была шѣнь Оскара.

Чесполобіе вооружило руку Алана; сапана направилъ убійственную спрѣлу его; зависть

упоила его душу; въ преступныхъ надеждахъ онъ посягнулъ на жизнь своего брата.

Быспро пролетѣла спрѣла Алана. Оскаръ видѣлъ, какъ спруишся кровь его; глава его склонилась къ земль, взоры его померкли навѣки.

Мора прельспила сердце Алана, честолоубіе его уступило прелестямъ дочери Гленальвона. Ахъ! почшо глаза красавицы, горящіе любовію, побуждають душу къ злодѣянїямъ ужаснѣйшимъ!

Не видите ли сей уединенной могилы, копорая заключаешъ въ себѣ прахъ воина? она видна при слабомъ свѣтѣ сумрака: эшо брачная постель Алана.

Далѣе опъ сего прокляшаго мѣста возвышаешся славнѣйшій памятникъ, подѣ копорымъ покояшся знаменишые оспашки Аланова племени. Ихъ знамена не были водружены на могилѣ Алана; они обагрены кровію брата его.

Какой древнѣйшій пѣвецъ, какой бѣловласый Бардъ воспоешъ на арѣѣ подвиги Алана? Пѣснь арѣѣ ешъ воадаяніе славѣ! Но кшо дерзнешъ прославляшъ убійцу?

Да не коснешся ничья рука спрунамъ молчаливой арѣѣ! да никакой пѣвецъ не дерзнешъ воспѣшъ хвалы воину братаубійцѣ; укоризны совѣсти ослабляшъ его руку; его арѣа издасшъ плачевные звуки.

Никакая лира, никакая пѣснь славы не повшоряшъ Аланова имени. Гласъ умирающаго брата и проклятія опца слышны надъ его могилой.

. ъ ъ.

Воронежъ.
